

«Кто не умеет танцевать, тот еще чаще делает проступки в своей жизни. Я тот, который говорю и что говорю, не знаю <...> как уже могу без ошибки выступать по целому свету, следовательно и винить меня не должно, ежели я в чем проступился, а разве укорять только тем, для чего я, пропустив молодые мои лета, хотя и теперь не стар, не учился танцевать... Чувствую я по планете моей, что моралистом быть не способен и не к тому родился, да и при рождении моем за то не брался, хотя и поповоле желают сделать меня важным. Я пишу единственно для одного увеселения и другого намерения не имею» (л. 9).

Таким образом, «И то и сьо» занял в данном случае позицию более умеренную и примирительную, чем журнал Рубана. Характерно, что за кулисами журналистики Чулкова, вероятно, упрекали за эту уступчивость, так как в десятой неделе он вновь вернулся к теме полемики и подтвердил, что «по слову своему» примиряется со всем светом, «не опасаяся имени труса и не бояся названия быть кому-нибудь подобным».

Этот момент был переломным для журнала. Правда, в одиннадцатой неделе еще печатается письмо Незнаева о «Поденьщине», но Чулков отмежевался от полемики стихами «К чему меня, к чему Н...<езнаев?> принуждаешь...». Затем в «И то и сьо» начинается печататься сказка о Нетоне (пересказ-переделка «Золотого осла» Апулея), нейтральные стихи М. Попова и бытовые зарисовки городских нравов самого Чулкова. В шестнадцатой неделе Чулков поместил стихи «Молодому рифмачу» в защиту Ибрагима Курмамета (т. е. Лукина),¹³ а в двадцать третьей (конец июня) — новое письмо ко «Всякой всячине».

К этому времени начали выходить «Трутень» и «Смесь», бескомпромиссно и смело вступившие в спор о сатире «на лицо». Письмо Правдолюбова в защиту А.<блесимова>, послужившее началом основной полемики 1769 г., появилось в «Трутне» от 26 мая, а 5 июня «Всякая всячина» ответила на него редакционной статьей. Тон ее был гневным. Правдолюбов-Новиков обвинялся в меланхолии, от которой «ему бы хотелось за все да про все кнутом сечь» (ВВ, с. 174—175). Неделю спустя «Всякая всячина» публично назвала его лжецом, а обличительные статьи «Трутня» — ложью, придуманной «для делания зла» (ВВ, с. 181—183). Екатерина желала ввести сатиру и критику в границы умеренности, предотвратить борьбу за радикальные перемены. Она преподнесла читателям свою концепцию преобразований, построенную на житейской философии, что никто не без слабостей, един бог совершенен и никому из смертных не дано права

¹³ Берков. История журналистики, с. 238—239. К аргументации Беркова, основанной на наблюдениях над журнальной полемикой, добавим следующее. Во «Всякой величине» Ибрагим Курмамет подчеркивает, что он по происхождению не русский, а из сибирских татар. В одном из прощаний Екатерине II Лукин называет себя «бедным чужестранцем» (ЦГАДА, ф. 10, д. 602, л. 141).